

16 МАР 1985

16/III-85

К 60-летию Иннокентия Смоктуновского

Негаснущий свет души

Князь Мышкин на сцене БДТ, Гамлет из фильма Козинцева, царь Федор Иоаннович, Иудушка Головлева, Иванов — можно сказать, эпоха в развитии советского актерского искусства. А Деточкин из фильма «Берегись автомобиля»? А Илья Куликов из «Десяти дней одного года»? Их трудно даже перечислить — образы, совершенно разные, похожие лишь одним — высоким исполнительским мастерством Иннокентия Смоктуновского.

В эти дни народный артист СССР, лауреат Ленинской и Государственной премий И. М. Смоктуновский отмечает свое 60-летие. В беседе с нашим корреспондентом Н. Петренко он рассказал:

— Если бы я уже сейчас начал подводить итоги, то это означало бы, что я расстаюсь или с жизнью, или с творчеством, — сказал Иннокентий Михайлович, — я не хотел бы ни того, ни другого. Хотя и многое сделано... Правда, иногда можно сделать мало, но это заметно, необходимо, отмечено временем. В том, что удалось сделать мне, довольно много, породы, в которой потом отсеиваются истинные зерна — и актерского, и человеческого, личностного чувства. Мне кажется, это Гамлет... Еще — князь Мышкин... Еще — царь Федор... О некоторых ролях мне, конечно, хотелось бы в эти дни вспомнить, еще раз подумать более пристально о том, что получилось, а что ушло...

О прозе Достоевского... Я его не только ценю, люблю и обожаю. Он позволил мне посмотреть на жизнь, на самого себя значительно глубже. Я и раньше говорил о душе, но до встречи с Достоевским совсем не представлял, что такое душа. Что человек может быть только внешне человеком, а он бездушный. Может быть и не человек, а одна сплошная душа — мрачная и суровая, или высокая и светлая, как гений Пушкина... И сам Достоевский со всеми его человеческими

недостатками, нелюдимостью, чудовищным характером — но ведь это же оголенная душа. Ранняя, болезненная, какая-то распахнутая и вопиющая... И все его произведения явно говорят о том, что еще не поздно, еще не поздно! Сохраните душу, давайте еще побьемся за человека с душой! И философию его героев часто характеризуют поиски души — души в самом себе. Поиски идеи, которая наполнила бы жизнь смыслом и содержанием.

Меня пригласили в БДТ, так как режиссер увидел «глаза князя Мышкина». Потом меня не раз спрашивали, как мне удается «сыграть» взгляд; например, в «Болдинской бесовнице» — взгляд Сальери. И если глаза действительно меняются у Мышкина, у Сальери, то повинна в этом прекрасная литература Достоевского и Пушкина. У Достоевского написано: «его прозрачные, очень глубокие глаза».

Что касается Сальери: коль скоро человек на протяжении всей жизни завидовал, «глубоко, мучительно», а ведь он был талантлив, писал неплохую музыку, и все же не мог спокойно дышать оттого, что рядом творил гений — Моцарт. И когда погружаешься в такого рода зависть — глаза не могут быть иными. Глаза — это ведь результат пере-

житой мной драматургии писателя, поступков героя... Сальери — несчастный человек. Ему нужно было жить тем, что он имел. Каждому человеку что-то дано природой. Только это! И придумывать, что ты гений, — это было нелепо и трагично для него. Нужно всегда трезво относиться к себе...

С Борисом Ивановичем Равенских мы год работали над «Царем Федором». Но могли бы, конечно, работать гораздо меньше, месяца четыре, и создать стереотипный образ, такой, как в постановках других театров. Но этого мы не хотели. Мы считали, что надо избавиться от огромной накипи, которая образовалась на этом произведении после спектакля, поставленного Станиславским и Немировичем-Данченко во МХАТе. В главной роли тогда выступал Москвин. Спектакль у них получился, без сомнения, прекрасный. Театр открыл этой постановкой, этим образом реалистическое прочтение жизни человеческого духа на сцене. Я видел несколько сцен из него — они были сняты на киноленту, — но тогда уже понял, что должен сделать что-то совсем другое... Я не хотел играть эту роль, я хотел жить ею! Жить в образе... Но у меня не было ясного психологического понимания роли, я не мог

представить, что царь может быть настолько недосыгаем, загадочен... он — как полубог. И Борис Иванович Равенских, наверное, шел ощупью к пониманию образа идеального царя. И потому его заблуждения накладывались на мои заблуждения... Это был бросок в неизвестность!

Гамлет, князь Мышкин требовали постоянной сосредоточенности, углубления в материал, горения... Наверное, это можно назвать полным самозабвением. Начиная, я тоже «бросался в неизвестность», искал, пробовал, примерял... Надо было проникнуть в суть, отдать должное драматургии. Я каждый раз ощущаю это чувство долга. Были творческие мучения — и всегда была радость труда.

Скажем, Лев Додин в «Головах Головлевых», по-моему, правильно перевел этот сложный роман на язык театра: получилось довольно современно, но в то же время воспроизведена атмосфера века, фантазмагорический мир Иудушки и реальная жизнь прошлого столетия. И все это точно психологически: режиссер просил нас, актеров, «проживать» с позиции людей того времени, воссоздавать в себе их внутренний мир. Иудушка — это углубление в темные стороны души человека. Но... я ожидал, что спектакль будет приносить мне радость власти над зрительным залом, покорения его этой литературой. Я не могу понять, в чем здесь просчет, но ощущения покорения нет.

Хотя, мне кажется, это должно прийти. Во всяком случае я чувствую, что сейчас стал чаще «зацеплять» зал, чем, например, прошлой осенью. Тогда я снимался в телевизионном фильме Леонида Пчелкина «Дети солнца», играл Протасова. И эта «раздвоенность» мешала, я не мог сосредоточить все свои душевные силы на образе Иудушки...

Зрительный зал должен прислушаться — не к тому, что я скажу и что мне ответят, но к

нашим сердцам, к тому, что происходит в душах героев... А для этого необходима одухотворенность. Она заставляет замирать зад — сколько бы людей там ни было!

Одухотворенность — это сильнейшее оружие... Оружие больших художников. У Пушкина все произведения одухотворены. И взрывная волна его такой великой силы, что до сих пор идет по миру, по сердцам и душам людей — и покоряет... В телефильме «Болдинская бессонница» мы больше обращали внимание зрителя на то, как Пушкин мог себя вести, что делать, как реагировать на события внешнего мира. Даже читая его великие произведения, мы подразумевали: вот здесь он такой, а в этот момент он чувствует себя вот так... Но все-таки это неверно! Нужно было обязательно отдать душу, жизнь этим стихом. Не историографическое и искусствоведческое толкование стихов с экрана, а жизнь — вот на чем я настаиваю!

Пушкин необыкновенно дорог мне, всю жизнь работаю над его произведениями... Я сыграл Моцарта и сыграл Сальери, снимался в документальных фильмах «Вновь я посетил», «Осень», «Медный всадник», записал на радио «Евгения Онегина», «Капитанскую дочку», «Метель», другие произведения, сейчас работаю над «Борисом Годуновым».

Я благодарен судьбе за то, что она подарила мне эти сорок лет жизни на сцене, подарила встречи с прекрасными людьми... За всю мою жизнь я, наверное, на одной руке могу сосчитать всех тех людей, с которыми не хотел бы больше встречаться. И были сотни людей милых, достойных, интересных...

Конечно, это огромная вежа в жизни — 60 лет! И не без волнения жду... да нет, не жду, а работаю, в том-то и дело! Может быть, потому и делал немало, что никогда ничего не ждал, а просто работал. Вот и теперь — работаю и нахожусь в этой радости.